

18+

Владимир Солодихин

**Юмористическая
история
династии
Романовых**

Владимир Солодихин

**Юмористическая история
династии Романовых**

«Издательские решения»

Солодихин В.

Юмористическая история династии Романовых / В. Солодихин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530729-3

История правления династии Романовых от выборов 1612 года до революции октября 1917 года. Основные события истории России, написанные простым юмористическим языком.

ISBN 978-5-00-530729-3

© Солодихин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Выборы 1612	6
Глава 2. Михаил Романов (1612—1645). Основатель новой династии	11
Глава 3. Алексей Михайлович тишайший (1645—1676) или в тихом омуте черти водятся	14
Глава 4. Федор (1676—1682). Инвалид на троне	22
Глава 5. Иван пятый, Петр первый и их регент Софья (1682—1689)	23
Глава 6. Петр первый (1682—1725). Бомбы, пьянство и наука	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Юмористическая история династии Романовых

Владимир Солодихин

© Владимир Солодихин, 2021

ISBN 978-5-0053-0729-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все действующие персонажи повести

не имеют отношения к реальным историческим лицам.

Все совпадения имен и фамилий

носят почти случайный характер.

Глава 1. Выборы 1612

Династия Романовых пришла к власти в России в результате победы на выборах, которые состоялись в 1612 году.

Это были уже четвертые выборы русских царей, начиная с 1598 года.

На выборах царя в 1598 году убедительную победу одержал Борис Годунов (он был единственным безальтернативным кандидатом). Народ тогда так и ломился на избирательный участок в Земском соборе, надеясь, что после голосования его жизнь изменится к лучшему. Радостные улыбки, шутки-прибаутки, обязательные сто грамм после голосования и песни под гармошку сопровождали эти выборы.

В 1606 году боярина Шуйского и в 1610 году польского королевича Владислава избирали уже без песен и фанфар, зато при вопиющих нарушениях избирательного законодательства.

К 1612 году народ полностью разочаровался в выборах, не ожидая от них ничего хорошего.

К тому времени русские люди уже испытали на себе все прелести какие только могли им дать «выбранные» цари: голод, братоубийственную гражданскую войну, полное бесправие перед лицом многочисленных армий и банд, которые рыскали по стране, в поисках наживы.

На предпоследних выборах в 1610 лучшие люди страны, московские бояре, продавили на трон польского королевича Владислава и пустили в Москву польские войска, тем самым блестяще доказав, что олигархи во все времена являлись пятой колонной.

Вслед за Москвой Владиславу присягнул цвет высшей бюрократии, большинство провинциальных князей, митрополитов и множество других церковных и светский начальников.

Быть бы Владиславу новым русским царем, но ему помешал его собственный отец – польский король Сигизмунд.

– Это что получается? Мой сын будет править царством, которое больше Польши и Литвы вместе взятых?! Вы об этом подумали? – орал он на делегацию московский олигархов, которые прибыли для приглашения Владислава на трон в только что захваченный поляками Смоленск.

– Очень нам твой Владислав нравится! Такой мальчик, такой умница! Пусть он нами правит! А мы уж не подкачаем! Все как один жизнь за него отдадим! —

со слезами на глазах умолял глава делегации патриарх Филарет.

– А как же я!? — Сигизмунд в ярости затопал ногами по еще дымящимся развалинам Смоленска: – Про меня вы что забыли?!!

– Тебя, батюшка, мы тоже очень любим! – испуганный таким приемом бормотал Филарет. — Только мы с Владиславом уже монеты отчеканили! Жалко монет...

– А меня вам не жалко?!

– Прости нас, батюшка! Бес попутал! Мы тебя на трон хотим! – упал перед ним на колени Филарет.

– Вот и хорошо. Нехорошо только, что я – католик, а вы – православные... Неделikatно!

– Может, перекрестишься, батюшка? – опустив глаза в землю, предложил патриарх Филарет.

– Ты с кем говоришь?! Это вы перекреститесь! – снова затопал ногами Сигизмунд.

– Мы?! – вздрогнул патриарх. – Нет, я лично готов. Я уже давно хотел и даже с огромным удовольствием. Но вот все ли поймут? Народ у нас темный.

– Ничего! Я их в тюрьме просвещу! – успокоил Сигизмунд. – Так что иди – перекрещивай Россию. Хотя лучше я сам перекрещу, а то ты какой-то мутный. Посиди пока в темнице.

Отправив патриарха под арестом в Польшу, Сигизмунд продолжил чудить со страшной силой. Вместо того, чтобы ехать в Москву, где его ждали с распростертыми объятьями, он зачем-то вернулся в Варшаву.

Бояре снова прислали делегацию, чтоб умолить его занять московский престол.

– Я сам не знаю, чего я хочу! – с идиотским смехом признался Сигизмунд. – Если на небе солнце – хочу туч, а если тучи – солнца. В Польше хотел быть русским царем, а на Руси – не хочу!

– Любим мы тебя! – плакали посланники.

– А я вас – нет! – отрезал он.

– Хоть сына пришли! – умоляли его.

– Не пришло. Он у меня живопись любит, науками увлекается. А вы его чему научите? Как бабки пилить?

– Что же нам делать? – недоумевали олигархи.

– Идите вон и ждите, пока у меня настроение изменится! – посоветовал им несостоявшийся царь.

Надо сказать, что Сигизмунд отличился чудачествами не только у нас.

В Швеции, где он тоже одно время был королем, Сигизмунд сначала объявил о смене религии (с протестантизма на католичество), а потом сбежал, оставив после себя править дядю по имени Карл. Дядя Карл напрасно ждал указаний от племянника, как ему сделать шведом католиками, когда никто из них об этом и слышать не хотел. В конце концов, не дождавшись ответа, дядя Карл не стал настаивать на перемене веры. Тогда Сигизмунд жутко обиделся, объявил войну Швеции и долго воевал с собственным королевством.

Нарвавшись на такого чудака, российские олигархи пришли в замешательство (как говорится: нашла коса на камень).

– Что же нам делать? – удивлялся на заседании боярской думы ее глава князь Мстиславский. – Так все хорошо начиналось: избрали Владислава, пригласили в Москву доблестную польскую армию. Все вроде было на мази и вот на тебе: не едет к нам Сигизмунд и сына своего не отпускает! Есть у кого-нибудь мысли, что нам делать дальше?

– Давай я царем буду! – предложил боярин Голицын.

– Ага! Шчас! Мой род не хуже твоего будет, и то не лезу! – недовольно пробурчал Мстиславский.

– Деловой такой! – поддержал его Воротынский.

– Надо же, чтоб кто-то взвалил на себя этот груз! – настаивал Голицын.

– Дуля тебе под нос, а не царство российское! – показал ему кукиш Мстиславский. – Знаю я тебя. Не один год вместе заседаем. И уж извини, дорогой Вася Голицын, ничего хорошего от такого царя, как ты, ждать не приходится!

Пока бояре-олигархи увязали в бесконечных спорах о новом царе, тогда же (1612 год) в Нижнем Новгороде проходил съезд промышленников и предпринимателей.

С резкой критикой ситуации в стране на нем выступил купец Кузьма Минин, который в частности сказал:

– Экономика в глубоком кризисе. Государственный сектор не работает. А чему удивляться, что он не работает, если нет самого государя?! Частный инвестор к нам не идет, поскольку нет власти. Реальное производство остановилось. Зато махровым цветом расцветает ростовщический капитал. Жиды выдают кредиторы под грабительские проценты и потом выбивают долги через польские отряды коллекторов. Мелкий и средний бизнес убиты. Отечество в опасности!

Речь оратора неоднократно прерывалась бурными аплодисментами. В тоже время в знак протеста против «неконструктивной критике правительства» съезд в полном составе покинули поляки и жиды-банкиры. После бурных и продолжительных дискуссий, бизнесмены приняли решение оказать спонсорскую помощь отряду князя Пожарского для освобождения Москвы от поляков.

Московские бояре-олигархи пришли в ярость.

– Совсем страх потеряли! – возмущался Мстиславский. – Будут нам всякие сявки, вши и тараканы, как жить указывать! Надо их примерно наказать!

– Предлагаю объявить участников съезда в Нижнем Новгороде террористами и сепаратистами! – важно почесал бороду князь Воротынский.

– Объявить можно. Только как бы за это от царя не получить! – осторожно заметил Голицын.

– От какого из них? – не понял Мстиславский.

– Без разницы. А ну как кто-нибудь из царей все-таки приедет и скажет: чего-то это вы тут без меня распоряжаетесь?! Больно самостоятельными стали. И головы с плеч!

Бояре приуныли. В конце концов, не зная, что делать, они еще раз обратились со слезным письмом к Сигизмунду (в копии к Владиславу) приехать и править ими. Ни тот не другой так и не ответили.

В ноябре 1612 князь Пожарский вышиб польский гарнизон из Москвы и объявил о старте предвыборной гонки.

Выборы проходили в два этапа (как сейчас выбирают президента в США). Сначала города и села избирали своих депутатов в Земской собор, а затем Земской собор выбирал царя.

Однако, почти сразу дело оказалось на грани срыва, т.к. к назначенному числу депутаты в Земской собор не явились (народ их просто не выбрал).

– Сами себя выбирайте! – отмахивались люди от агитаторов. – А нам ваши выборы одни только несчастья приносят.

Глава Центральной избирательной комиссии князь Пожарский разослал циркулярное письмо по городам, в котором предупредил, что в случае повторного срыва голосования, в дело вступит армия.

Депутаты, нехотя, стали съезжаться в Москву.

С опозданием в месяц Земской собор открылся. В отличии от демократических США, где обычно на пост президента выдвигаются всего два кандидата, у нас их было много.

Во-первых, активную избирательную компанию развернул трехлетний ребенок (так называемый принц Иван). Этот малолетка был сыном Лжедмитрия второго и его польской жены Марии Мнишек. На самом деле, Мария Мнишек первоначально повенчалась с Лжедмитрием первым, который правил Россией с 1605—1606 годы (см. мою книгу «Смутное время»). После его убийства (1606 год) Мнишек, пользуясь отсутствием в ее веке фотоаппаратов и камер, просто признала своим мужем совершенно другого человека, оставшегося в истории как Лжедмитрий второй. Когда люди, которые знали ее первоначального мужа, попытались ее пристыдить, Мнишек рассмеялась им лицо:

– Какие у вас доказательства? Ваше слово против моего! Но мне, жене, самим богом дано лучше знать собственных мужей, чем вам!

В конце концов, многие поверили ей и признали Лжедмитрия второго ее мужем, т. е. Лжедмитрием первым. Однако вскоре Лжедмитрию второму не повезло (его убила собственная охрана (1610)).

После его кончины к Мнишек периодически стали заявляться мужчины, требующие признать их мужьями.

– Я твой муж! – кричал под ее окнами очередной подвыпивший мужик. – Открой, Маринка! Не убили меня!

Дело стало попахивать групповым изнасилованием, однако хитрая Мнишек провела всех вокруг пальца, внезапно родив сына Ивана и объявив его наследником Лжедмитрия (она твердо придерживалась версии, что он был один). На выборах 1612 года она и ее любовник казачий атаман Заруцкий (видимо, подлинный отец ребенка) выдвинули малыша кандидатом на престол. Избирательную компанию он вел шумно, но поскольку говорить еще не умел, только кричал и стучал кулачком по трибуне.

Действующий царь Владислав, который так и не вступил в должность и по-прежнему находился в Польше, тоже решил участвовать в выборах заочно чисто из спортивного интереса (трон он занимать не хотел).

Все московские бояре выдвинули свои кандидатуры (вдруг по ошибке изберут).

До кучи английский король Яков I был выдвинут группой избирателей, представляющих олигархов, торгующих с Англией.

Несмотря на такое обилие кандидатов, народ остался недоволен:

– Это выборы без выбора. Владислава мы уже раз избирали, а он до сих пор неизвестно где шляется. Наши бояре – проститутки, на которых клейма негде ставить. С Ванькой вообще непонятно ни чей он сын, ни чего он бормочет!

Несмотря на серьезную рекламную компанию и многочисленные случаи прямого подкупа избирателей, кандидат «против всех» несколько раз получал абсолютное большинство голосов.

Наконец, боярин Шереметев предложил компромиссную фигуру никому неизвестного шестнадцатилетнего Михаила Романова.

Его отец, патриарх Филарет, был любимцем (в хорошем смысле слова) поочередно всех царей смутного времени: Лжедмитрия первого, Василия Шуйского и Лжедмитрия второго. Он запятнал себя во всех аферах и интригах того времени (вплоть до сдачи Москвы полякам). Так что при избрании на трон его сына боярская верхушка могла не опасаться возмездия за свои делишки в смутное время (в большинстве из них деятельное участие принимал сам Филарет).

Филарет находился в хороших отношениях со всеми российскими олигархами, польскими и западноукраинскими боевиками и прочей солью земли русской. Только бесчувственный Сигизмунд не понял его души, когда тот пришел умолять его занять российский престол, и заточил беднягу в тюрьму.

Русский народ жалел «сироту» Мишу Романова, а бояре уважали его отца за гибкость позвоночника.

Что касается Михаила, то, как говорится, яблоко от яблони недалеко падает. Несмотря на юный возраст, он уже успел послужить у обоих Лжедмитриев и отметиться в числе москвичей, пустивших в Москву поляков. В день народного единства и согласия (4 ноября 1612 года) его самого вывели вместе с польским гарнизоном из Кремля и отправили под домашний арест в Кострому.

Глава Центризбиркома князь Пожарский заявил решительный протест против такой кандидатуры, однако к тому времени основная часть его отряда уже вернулась домой, а в столице распоряжались боевики из казацких отрядов с Украины, которых щедро финансировали московские олигархи. В результате самого Пожарского посадили под домашний арест и продолжили выборы без него.

Дело было на мази. Не хватало только самого кандидата в цари. Михаила попросили явиться на Собор для представления своей программы. Несколько раз к нему отправляли делегации, однако все они куда-то бесследно исчезали, а сам кандидат в цари в Москве так и не появлялся.

Об одном из его посещений членами избирательной комиссии чудом сохранился рассказ очевидца (француз, он работал поваром у будущего царя).

– А... Мои дорогие! – радостно встретил членов избиркома Михаил Романов у ворот своего дома в Костроме. – Далекый путь держали. И даже, как погляжу, не заблудились...

– Бог спас! Как из Москвы выехали, так и мчались к тебе без остановки, батюшка! – припадали к его руке изнуренные члены избиркома.

– Молодцы! Сейчас выпьете по чарке, согреемся, перекусим, чем бог послал, и пойдете смотреть мои уголья!

– Какие угодья, отец родной? Мы так к тебе неслись... Почитай весь Земской собор просит тебе передать, что ждет тебя на царствие вся русская земля! Спешить, батюшка, надо, пока ляхи, литва и свийсы нас окончательно не заели!

– Свийсы, говоришь? – задумчиво смотрел на них Михаил. – Но, без вина и закуски я вас равно не отпущу. Не по – царски это. И угодья мои вы посмотреть обязаны! Иначе вы меня, как царя, вообще не уважаете!

– Что ты, батюшка! Что ты... – испуганно крестились гости.

– А места тут красивые, кругом леса, озера да болота!

Делать нечего. Делегация садилась за стол. Под вечер они уже основательно набирались.

– Сейчас познакомлю вас с Сусаниным! – объявлял Михаил.

– Кто это? – изумленно переглядывались члены избиркома (опера «Жизнь за царя» в то время еще не была написана).

– Проводник. Или, как любят говорить поляки, экскурсовод. Весна наступает, на озерах полыньи, да и в лесу волки с медведями. А вдруг что с вами случится? Вот на этот случай у меня есть Сусанин. Он наши места как «Отче наш» назубок знает. Недавно поляков водил...

Разгоряченная вином делегация отправилась в турпоход. Больше о них никто не слышал. Видимо, Сусанин, так великолепно провел экскурсию, что эти люди, впечатленные красотой края, решили остаться в нем навсегда. Я лично в этом почти уверен, ведь слава туристической фирмы Сусанина пережила века и дожила до наших дней.

Что касается Михаила, то он так и не явился на собор и был избран царем заочно. Как выяснилось в дальнейшем, это была очень тонкая политика со стороны основателя династии. Ведь поскольку Михаил не давал никаких предвыборных обещаний, никто не мог упрекнуть ни его, ни его потомков из славного рода Романовых в обмане избирателей.

Глава 2. Михаил Романов (1612—1645). Основатель новой династии

Первым делом, которым озаботился Михаил, после вступления на престол, было освобождение его отца из польского плена.

Один французский лакей так описывает заседание Боярской думы, проходившее в апреле 1616 года, на котором он прислуживал.

– Есть за границей сказочная птица! – стал держать речь князь Голицын.

– Тело у этой птицы огромное, как у бегемота, а вместо задницы – хобот, как у слона. Характер же и повадки имеет голубиные. Где б она не летала – всегда домой возвращается. Вот я думаю: нам бы такую птичку, чтоб она в Польшу полетела. Филаретушка в ее хоботе спрячется и улетит!

– Так зачем дело встало? – заинтересовался Михаил.

– Цена кусается! Уж больно дорога птичка!

– Казна не обеднеет! Возьми, сколько надо!

Довольный Голицын сел, потирая руки, под завистливые взгляды бояр.

– Я, когда в Италии был, слышал там о местном художнике – Леонардо да Винчи! – взял слово Воротынский. – Так он нарисовал целую летальную машину. Машина эта, как птица, только из металла... А внутри, говорят, у ней нечего и нет! Поместить бы туда Филаретушку...

– Ты ври, да не завирайся! – гневно перебил царь. – Чушь какая! А Винчи твоего поганого на костре надо сжечь, чтоб людей не смущал!

– Совершенно верно! Абсолютно с вами согласен! – пробормотал растерянный Воротынский.

– И как ты смел предложить патриарха всея Руси в адское чрево посадить?! – продолжал бушевать царь.

– Прости, батюшка царь! — побледнел Воротынский. – Совсем я мозгами поехал.

Таковыми прожеками по освобождению Филарета так и пестрят записи французского лакея, сама достоверность которых не вызывает сомнения. Однако, ни один прожект так и не получил воплощения в жизнь, несмотря на обильно выделяемые на это дело средства из бюджета.

Наконец, через пять лет непрерывных заседаний, не придумав ничего лучшего, Боярская дума подготовила условия перемирия с Польшей (1618 год), которые были по меньшей мере странными (Брестский мир, заключенный Лениным, отдыхает и нервно курит в сторонке). Россия отдавала Польше весь Юг (Путивль, Новгород-Северский и т.д.) и Запад (Смоленск) страны, а взамен получала патриарха Филарета и в придачу отказ польского королевича Владислава от прав на российский престол, который ему даром был не нужен. В дальнейшем эти условия подтвердил «Вечный мир» с Речью Посполитой 1634 года (очень глупое название для мирного договора, т.к. ничего в этом мире не бывает более постоянного, чем временное и более краткосрочного, чем вечное).

В личной жизни Михаил оказался еще более несчастным, чем в деятельности на посту главы государства.

В 1616 году будучи двадцатилетним молодым царем он сильно влюбился в одну из молодых боярынь, Марию Хлопову. Пылкий Михаил предложил ей руку и сердце, и она сказала «да».

Царскую невесту уже поселили во дворце, влюбленные целовались в укромных уголках и с нетерпением ждали свадьбы, как вдруг неожиданно накануне венчания царскую невесту

отравили по приказу матери царя, инокини Марфы, которой она почему-то не понравилась (ей вообще не нравились молодые, симпатичные девушки).

Бедная невеста несколько дней была на грани жизни и смерти, кое-как выкарабкалась, однако врачи признали ее бесплодной (как в дальнейшем оказалось это был ложный диагноз, также подстроенный матерью царя).

Получив медицинское заключение о бесплодности невесты инокиня Марфа подняла жуткий скандал, требуя от Михаила отказаться жениться. Поначалу Михаил отмахивался от нее, однако Марфа не успокоилась, подала жалобу в Боярскую думу и стала требовать созыва Земского собора. Испуганный Михаил пошел на попятную. Сначала он отправился за советом жениться ему или нет в Боярскую думу, где ему в самой деликатной форме рекомендовали отречься от невесты (инокиня Марфа не жалела денег на лоббирование). Затем Михаил созвал Земской собор, где подкупленные Марфой депутаты набросились на царя с яростными криками, что его женитьба погубит страну.

Сломленный царь отправил свою невесту в ссылку в Тобольск.

Силы воли в противостоянии с матерью хватило царю только на то, чтобы вообще не жениться (мать время от времени подсовывала ему разных уродок). Почти все время Михаил проводил в постели, выбираясь оттуда в основном на горшок.

Так прошло семь лет. В конце концов, истосковавшись, Михаил снова (в тайне от матери) послал медиков исследовать Марию Хлопову. Независимая медицинская экспертиза выдала заключение, что она совершенно здорова. Михаил в глубочайшей тайне (так ему по крайней мере казалось) стал готовить венчание, однако про это пронюхала инокиня Марфа и устроила такой скандал, что бедный жених слег в лихорадке и едва не отдал богу душу.

Шли годы, Михаилу исполнилось тридцать лет, а он все оставался одиноким холостяком, что по тем временам выглядело странным, а для царя вообще недопустимым (обязательно нужен был наследник престола).

Как писал в 1625 году один французский торговец, имеющий в столице кондитерский бизнес: «По Москве ходят удивительные слухи. Одни говорят, что русский царь тайно от всех женился и в первую же брачную ночь убил жену, после чего им овладел страх выходить из постели. Другие вовсе убеждают, что царь спит с мужчинами, предпочитая негров».

Чтоб развеять эти слухи инокиня Марфа женила Михаила на понравившейся ей своим не самым приятным лицом Марии Долгоруковой (1625), однако на свадьбе ее возмутило, что невеста слишком много улыбается, и она ее тоже отравила (на этот раз уже опытная Марфа дала сразу смертельную дозу).

Когда из-за лежачего образа жизни, Михаил серьезно заболел (он уже еле ходил без посторонней помощи), к нему пришел вернувшийся из польского плена отец Филарет (теперь он обладал не только духовной, но и светской властью, фактически возглавляя правительство).

Филарет прежде всего тщательно осмотрел покои царя в поисках шпионов, не поленился даже заглянуть под кровать, затем подсел к сыну (тот так и лежал, укрывшись с головой одеялом) и заговорил почему-то шепотом:

– Послушай, сыночек! Давай поговорим, как мужик с мужиком! — Филарет наклонился к самому уху Михаила. – Твоя мать и моя жена, инокиня Марфа, загубила уже не одну твою свадьбу! С другой стороны, нашему романовскому дому, да и всей Руси нужен наследник престола. В связи с этим у меня возник план!

– Какой? – выглянул из-под одеяла Михаил.

– Скажу тебе прямо как мужику, хоть ты у нас еще мальчик. Причина того, что твоя мать и моя по несчастью жена инокиня Марфа стала такой стервой кроется в ее сексуальной неудовлетворенности. Тут есть и моя вина. Во-первых, у меня не всегда стоит в силу возраста, а также потому, что твоя мать на меня постоянно орет. Во-вторых, я монах. В – третьих, она тоже монашка. – Филарет перевел дух (видно было, как нелегко ему даются слова): – Но сей-

час, когда под угрозой продолжение нашего славного рода Романовых, и для блага всей земли русской я принял решение!

– Вы с мамой родите мне братика? – снял с себя одеяло изумленный Михаил.

– На это я уже вряд ли способен, но вставить ей, помолившись, еще смогу. В крайнем случае свой патриарший посох ей туда воткну. Конечно, для меня, старого монаха, это будет тяжело и физически и, прежде всего нравственно, но ради тебя, сынок, и всей православной России денек другой ее в постели поколбашу. Прошу только, сынок, о двух вещах. Во-первых, не женись на Хлоповой, а то Марфа и тебя, и меня со света сживет (тут нам и посох не поможет). Во-вторых, со свадьбой не тяни. Выбирай невесту и сразу под венец. Три дня тебе на все про все. А начнешь размусоливать, боюсь, что хоть посох у меня крепкий, да об ее штучку недолго обломаться!

Михаил в спешном порядке отправился в поисках невесты по Кремлю, где его уже поджидали вызванные на просмотр Филаретом знатные боярыни. Но понравились ему не они, а одна из прислужниц дочь бедного помещика Евдокия Стрешнева. Михаил тут же обвенчался с ней.

Инокня Марфа, которую, как обещал, удерживал в сексуальном плену патриарх Филарет, узнала о венчании царя в последний момент и уже ничем не смогла помешать.

Поскрежетав зубами, Марфа приняла невестку. Конечно, в отместку она постоянно лезла в семью царя, командовала его женой и детьми, и время от времени устраивала истерики, крича, что «не послушавшись матери против всех божьих и людских законов обженились». Впрочем, как только Филарет показывал ей посох и при этом озорно подмигивал, Марфа сразу прекращала истерику.

В целом, несмотря на болезни царя и дурной характер его мамы, брак Михаила можно назвать счастливым. У супругов родилось аж десять детей (правда шесть из них умерли в раннем детстве).

Смерть пришла к любящим супругам, как в сказке, т.е. почти одновременно. Михаил скончался в 49 лет от водянки, а Евдокия лишь на месяц пережила любимого.

Глава 3. Алексей Михайлович тишайший (1645—1676) или в тихом омуте черти водятся

После смерти Михаила на трон взошел его шестнадцатилетний сын, Алексей.

Важнейшим событием его царствования стала революция 1648 года (более известна как Соляной бунт).

Последствия этой революции определили историю России на последующие двести лет с хвостиком.

Началось все с того, что в 1647 году глава российского правительства боярин Морозов (по случайному совпадению бывший учитель царя Алексея) для пополнения бюджета в несколько раз поднял налог на соль (этот продукт для 17 века был примерно тем же, что нефть для 21). Цена на соль взлетела,

а за ней рванули цены на все другие продукты питания.

У людей, живущих на зарплату, в разы понизился уровень жизни, тысячи ремесленников и мелких торговцев разорились, зато сказочно обогатись бояре и купцы, контролирующие соляной бизнес.

Видя, что, несмотря на увеличение налога на соль, поступления в бюджет только сократились (простым людям платить было не из чего, а олигархи ловко уходили от налогов), правительство Морозова решает заткнуть дыру в бюджете увеличением других налогов и взысканием их недоимок за прошлые года (фокус был в том, что эти недоимки ранее простили народу, но теперь, подумав, взяли прощение обратно).

01 июня 1648 грянула революция. В этот день царь, Алексей Михайлович, возвращался с богомолья с Троице-Сергиевского монастыря (он молился, чтобы бог послал ему мысль, какие налоги еще ввести). При въезде в Москву его встретила протестная демонстрация. Царь перекрестился и велел стрельцам (силовики того времени) разогнать толпу.

Однако на следующий день возмущенный народ вышел на несанкционированный митинг на Красную площадь. Царь вторично дал приказ стрельцам разогнать толпу, однако часть силовиков перешла на сторону народа. Восставшие начали захват правительственных зданий и дворцов знати. Весь день и всю ночь в столице шли сражения.

К утру 3 июня 1648 Москву взяли под контроль восставшие, кроме Кремля, где укрылся Алексей Михайлович с боярами и горсткой оставшихся верных ему стрельцов.

На переговоры к народу пришел патриарх Иосиф.

– Власть царя равно как порядок, установленный в государстве, идут от бога! – степенно и строго начал он. – Нарушителей же сего порядка ждет кара небесная! Посему предрекаю вам, что вы все попадете в ад коли немедленно не угомонитесь и не сложите оружие!

– У нас с вашими поборами и так не жизнь, а ад! – услышал он в ответ. – А коли ты нас проклинаешь, мы тебе дом со всем двором сожжем!

– Стопэ! – вздрогнул патриарх. – Я еще не договорил. Поскольку ваши требования об уменьшении налогов вполне справедливы, то они тоже идут от бога. Значит, разбирайтесь со светской властью сами, а мой дом оставьте в покое! Я в ваших разборках вообще никаким боком!

После неудачи патриарха на переговоры к народу вышел сам Алексей Михайлович.

– Поймите, люди добрые! – очень тихо и мягко начал царь. – Я целиком и полностью на вашей стороне! Царь и народ едины! Вместе мы сила! Пока мы вместе иноземцы нас никогда не победят!

– Так ты за нас или за бояр? – недоумевал народ.

– Обижаете, честное слово! – Алексей Михайлович вытер скупую царскую слезу. – И не стыдно вам в царе православном сомневаться? Да я самим богом поставлен вас от бояр защищать и обиду никакой чинить вам не позволю!

– А почему тогда мы так хреново живем? – удивлялся народ. – Почему нас налогами душат? Почто твои бояре нас разоряют?

– Знаю, люди добрые, что вы плохо живете! Знаю и страдаю от этого! Повинны в этом проклятые бояре, а также агенты влияния иностранных спецслужб! Я вам клянусь: потерпите немного и я им задам! До сих пор я только присматривался, но скоро (уже очень скоро!) кое-кто изведает на себе мой царский гнев.

– Ты уж не подведи, батюшка царь! – понемногу успокаивался народ. – Всыпь этим подлецам как следует! А мы уж за тебя постоим!

– Голуби вы мои! – умилился царь. – Как же я вас люблю, простые вы мои люди! Чем вам помочь? Давайте прямо сейчас все решим!

– Дело говоришь, Алексей Михайлович! – там и тут слышались одобрительные крики.

– Излагайте свои предложения! Мы же с вами одна команда! Мы с вами Россия! – крикнул царь (он повышал голос чрезвычайно редко, в исключительных случаях, но тут был как раз такой случай).

– Россия! Россия! – восторженно подхватил народ.

– Спасибо, дорогие мои! – остановил царь. – Так я слушаю! Чего вы хотите?

– Хотим, чтоб ты Морозова из правительства выгнал и вон из Москвы выслал!

– Я его в монастырь заточу! – кивнул царь.

Его слова потонули в аплодисментах.

– Налог на соль отмени!

– Вообще не вопрос. Что еще?

– Законов хотим, чтоб были справедливые. Чтоб всей землей их приняли!

– Согласен. Соберу Земской собор, и примем всем миром главный закон для нашей любимой России!

– Слава царю! – закричал кто-то, и тут же его крик подхватила толпа.

– Спасибо, друзья мои! – умиленно вздыхал Алексей Михайлович, стоя перед народом. – Спасибо, голуби!

Вечером того же дня на секретное совещание у царя собрались Морозов, патриарх и небольшая группа особо приближенных бояр.

– Надо ввести в Москву верные войска и перебить всю эту свору, как собак! – возмущенно начал боярин Морозов.

– Остынь, Боря! – мягко осадил его царь

– Как это остынь? Они мне дома будут жечь, а я сидеть сложа руки. Алексей Михайлович, дорогой, дай мне тысяч десять стрельцов, и я их всех перебью!

– Где же я тебе возьму стрельцов, если они перешли к черни? – улыбнулся царь.

– Я бы сам собственными руками этой черни дома поджег! – злобно проворчал Морозов.

– Сядь ты, горячий человек, да послушай! – жестом усадил его царь. – Значит так. Требования я их удовлетворю!

– Что?! – вскрикнул Морозов.

– Как?! – следом за ним ужаснулись бояре.

– Все по воле божьей! – тяжело вздохнул патриарх Иосиф.

– Опять вы кричите, господа. А вопросы надо решать тихо! – очень мягко продолжил Алексей Михайлович. – Послушайте лучше, что я с божьей помощью придумал, чтобы этих мудаков облопошить!

Царь налил себе из графина воды и продолжил:

– Первое. Ты, Морозов, отдохнешь месяц- другой в монастыре. Развеешься там, попьешь хорошего монастырского вина. Потом я тебя назад верну.

– Баб с собой можно взять? – заинтересовался Морозов.

– Возьми. Только по тихому их там чпокай. Второе. Пошлину на соль придется отменить, а взамен им введем такие налоги, чтоб эти мудакам мало не показалось. Детали сами обмозгуете.

– Мы уж обмозгуем, батюшка царь! – зашевелились, потирая руки, бояре во главе с Морозовым.

– Третье, самое главное. Я сегодня в толпе заметил много деревенских. Их там больше половины! Не сидится, понимаешь, этим придуркам в своих деревнях. Решили выпендриться перед моим царским величеством. Так вот вы должны придумать такой закон, чтоб всех этих мудаков из деревни навеки закабалить, чтоб они и пикнуть супротив нас больше не смели! Пущай они как в древнем Риме (я недавно о нем книжку читал) навечно нашими рабами будут!

Речь царя встретило гробовое молчание. Стало слышно, как муха жужжит и скребется по стеклу.

– Ай да царь! Ай да молодец! – прервал тишину радостный вопль Морозова.

– Ура! Ура! Виват! – восторженно подхватили бояре.

– Вот это так на самом деле божья воля! – захлопал в ладоши патриарх. – Еще бы надо статью, чтоб за неуважение к вере, патриарху и его имуществу на костре сжигать к едрене фене!

– Согласен! – кивнул царь. – Вообще пишите закон побольше и позапутанней, чтоб ни один мудак на Земском соборе догадаться не мог, что его в рабство закрепощают. К слову, сам термин «рабство» ни в коем случае не употребляйте, назовем это лучше правом. К примеру, земельное право (в том смысле, что все эти мудаки теперь вечно в земле будут копошиться).

– Может, крепостное право? – предложил патриарх Иосиф.

– Отличная мысль! – одобрил царь. – Вот уже что-то вытанцовывается. И принять этот закон надо как можно быстрее, чтоб у этих мудаков времени не было очухаться!

В 1649 Земским собором было спешно принято Уложение. Это было собрание законов, которое включило в себя гражданское, земельное, уголовное, трудовое, процессуальное право.

Однако дьявол, как говорится, скрывался в деталях этого достойного документа. Среди многочисленных статей Уложения были упрятаны нормы, которые совершили переворот в экономической и социальной структуре общества. Если раньше крестьянин, у которого не было долгов перед помещиком, мог свободно переехать на другое место жительства (скажем, купить себе землю или работать на земле другого помещика или поселиться в Москве и стать ремесленником), то отныне он вместе с женой и детьми становился собственностью того помещика, где его застал несчастливый для него 1649 год. В случае, если все-таки крестьянину посчастливилось бежать, государство объявляло бессрочный всероссийский розыск и на беднягу (и его семью) начинал охоту весь государственный аппарат.

Таким образом, революция 1648 была спущена Алексеем Михайловичем в сортир и привела к самым тяжелым последствиям для ее участников (прежде всего вольного крестьянства (а это больше двух третей тогдашнего населения страны), которое было отдано в рабство помещикам).

Вскоре после принятия Уложения о Алексея Михайловича собрался кружок наиболее доверенных лиц, включая патриарха Иосифа и уже вернувшегося из монастыря Морозова.

– Непокойно мне на душе! – тихо начал царь. —Боюсь, как бы эти мудаки крестьяне не вружились, что мы в Уложении их рабами записали, и по-новому бунтовать не начали! Что церковь по этому поводу думает?

– Во-первых от своего имени и от имени всей своей паствы разрешите поблагодарить вас, ваше величество, за статью о богохульстве в Соборном уложении, по которой теперь, наконец-то, подлежат сожжению на костре все оскорбившие словами мать нашу церковь и нас, ее

пастырей! – поклонился патриарх Иосиф. – Особое восхищение вызывает то, что на костре теперь сжигаются не только провинившееся перед церковью, но и все неверующие или верующие непонятно во что! Разрешите, дорогой мой царь, по этому поводу почитать стихи моего собственного сочинения.

Пред тобой я стою убогий!
Государь всей Руси великий!
Ты поставлен Господом богом!
Вразумить народ наш дикий!

Жги их царь! До боли, до крика!
Бог и я спасибо лишь скажем!
Коли ты, наш любимый владыка,
Сожжешь всех неверующих разом!

И тогда в этот день победы,
Когда мы их схороним в сортире!
От России отступят все беды!
Ты же, царь, станешь круче всех в мире!

– Дай я тебя поцелую, Алексей Михайлович, самый любимый мой человек! – бросился обниматься расчувствовавшийся патриарх.

– Я тебя тоже очень люблю. Ты только меня не задуши! – смущенно освободился из его объятий Алексей Михайлович. – Так все-таки что нам делать, чтоб эти мудаки крестьяне не взбунтовались?

– Что касается этого вопроса. – сел на свое место патриарх. – То я твердо убежден, что бог давно мечтал о закабалении нашего российского крестьянства и передачу его в рабство помещику. В этом плане мои ребята будут читать проповеди, что, я надеюсь, образумит чернь!

– А коли не образумит? – вздохнул царь. – Мне, господа, часто снится один и тот же странный сон. Будто в каждой избе стоит по квадратной коробке и в каждой коробке я! И не просто сижу кукую, но говорю им такие сладкие речи, что заслушаешься. Прибегают они с работы, жрать дома нечего, так они в коробку уставятся и слушают меня, как будто я колбасу выдаю. И так они от этой коробки тащатся, что ни о каком бунте больше не помышляют!

– Сон сей говорит о том, что вашему величеству необходимо в каждый дом посадить по священнику, чтоб он божьей проповедью смирял дух обитателей этого дома. Для это благого дела необходимо существенно увеличить финансирование церкви! – предложил патриарх.

– Было бы неплохо, но денег нет! – мягко улыбнулся царь. – Я вот что с божьей помощью придумал. Что, если мы отвлечем народ какой-нибудь церковной реформой? Они сейчас по всей Европе идут.

– Вы что шутите? – вздрогнул Иосиф.

– Конечно, протестантизма мы у себя не допустим. Что-нибудь легонькое, к примеру, будем креститься, не двумя, а тремя пальцами.

– Как это тремя?! – вскрикнул от изумления Иосиф.

– А чего такого? Я буду креститься, как раньше, двумя. А ты неожиданно для всех тремя. Народ офигеет. Начнутся споры, диспуты, религиозные конфликты. Конечно, без особого фанатизма. Ситуацию будем держать под контролем.

– Ужас какой! – только и смог выдать из себя сильно побледневший Иосиф.

– Еще церковные ходы запустим в обратном направлении. Пожалуй, на первое время хватит!

– Я ушам своим не верю! – простонал Иосиф. – Может, я сплю? Ущипните меня!

– Зато крепостное право авось забудется! – закончил свою мысль царь.

– Что-то мне плохо! Круги перед глазами! – патриарх закачался и рухнул на руки едва успевших подхватить его бояр.

Иосифа вынесли.

– Придурак какой-то! – заметил Алексей Михайлович, когда за телом патриарха закрылась дверь. – То ни с того ни с сего целоваться лезет, то непонятно от чего в обморок падает! Может, он педик?

– Он же монах. У нас в монастыре почти все монахи были педиками. А че? Нормальные ребята! – немного кокетливо хихикнул Морозов.

– То-то я смотрю у тебя какие-то странные манеры после монастыря появились! – покопился на него царь.

– Баб со мной в монастырь не пустили, вот и появились! – снова хихикнул Морозов.

– Не очень тут веселись! – отвернулся от него царь. – А с патриархом нашим надо что-то решать. Человек он ненадежный. Помните, как он во время революции себя вел: и нашим, и вашим. Да и для роли реформатора церкви слишком хлипкий. Сошлю его лучше в монастырь (если он раньше сам не скопытится), а на его место митрополита Никона назначу. Он мужик крутой (сам бывший крестьянин). Сразу быка за рога возьмет!

После этого совещания патриарх так и не пришел в себя и вскоре умер (как пишут историки «оставив после себя много денег, которые за неимением наследников пришлось отдать монастырям»).

С назначением патриархом Никона (1652) церковная реформа пошла полным ходом, и привела к расколу православной паствы на сторонников старых правил (старообрядцев) и новых (никониане).

– Мы всегда крестились двумя пальцами, и отцы наши крестились, и деды, и прадеды и все аж до основания святой Руси! А тремя пальцами только пидорасы византийские крестятся, да мудаки басурмане! – кричали старообрядцы.

– Как нам церковь с царем приказали, так мы и крестимся. Прикажут и четыремья покрестимся и пятью, и всеми, что есть на руках и ногах. А вы смутьяны и сами пидорасы и мудаки! – возражали им никониане (их естественно было подавляющее большинство).

В результате церковной реформы потенциальный народный фронт оказался расколот на две части, которые люто возненавидели друг друга.

Правда, сам патриарх Никон, возгордившись, что церковная реформа была поручена ему (а стало быть возможность безнаказанно жечь и уничтожать своих врагов, объявляя их неверующими), совершенно потерял берега.

Сам бывший крестьянин он теперь рьяно принялся командовать родовитыми боярами. Причем, командовал он не только в духовных делах, но и в сферах совершенно далеких от церкви. На одном из совещаний у царя он стал отдавать распоряжения какие корабли и в каком количестве должна построить Россия, а когда его уличили в некомпетентности (он просто не знал названий кораблей) патриарх пригрозил всем своим оппонентам анафемой. В другой раз он стал распоряжаться в каких одеждах ходить самому царю:

– Ты, Алексей Михайлович, извини меня, конечно, но зачем ты столько золота, парчи и дорогих мехов на себя напялил? Ты что возомнил, что ты – витрина магазина?

– И во что мне одеваться? – удивился царь.

– Свитер какой-нибудь скромный подойдет. Только чтоб без рисунка и обязательно серого цвета. Серый цвет вообще самый лучший! На голове вместо короны (а то слишком яркая) лучше всего шапочка типа «петушок».

– Сам ты петушок! – чуть слышно проворчал Алексей Михайлович, однако возражать не стал (он очень не любил конфликтов).

Наконец, на очередном совещании в боярской думе (1658 год) Никон стал кричать на бояр, обвиняя их, что они ухмыльнулись при его появлении.

– Когда я вхожу вы все должны вставать с серьезными лицами и несколько раз торжественно поклониться, как бы выражая смирение.

– А мы что? – едва сдерживая смех, спросил князь Голицын.

– А вы постоянно усмехаетесь, как ты, подлец, сейчас! А если даже кто кланяется, то все равно с глупой ухмылкой на лице, как будто я какой-то мудака. А я считаю, что вы сами мудаки!!!

– Можно по тише! – попросил царь.

– А ты почему опять в короне, когда я тебе «петушок» велел одевать? – накинулся на него Никон.

В ответ царь очень тихо и мягко (по – другому он не умел) послал патриарха на три буквы.

Никон жутко обиделся и в тот же день уехал из Москвы в Новоиерусалимский монастырь (этот монастырь был построен во – время его патриаршества и на этом основании он считал его своей личной собственностью).

В своем кругу патриарх не стеснялся выражений:

– Меня, владыку церкви, как какого-то мальчишку на три буквы послали! – возмущался он. – Ничего! Пускай теперь Алешка – царь неделю перед моим монастырем на коленях простоит! В дождь, в снег, в ветер, в грозу! Тогда, может быть, я его прошу. А если кочевряться начнет, я его царствия лишу и, как царя Лира из комедии Шекспира, побираться отправлю!

Когда речи патриарха пересказали Алексею Михайловичу, он не стал церемониться. Никона лишили не только патриаршества, но и сана священника, и навечно заточили в глухой монастырь.

Чтоб окончательно побороть потенциальный народный протест, царь в 1654 году принял в состав России запорожское войско казаков вместе с контролируемыми ими частью нынешней Украины (земли с левой стороны Днепра и Киев).

Эти земли принадлежали Речи Посполитой (под этим названием тогда скрывалась Польша).

Бедолаги, которые проживали на этой территории, угнетались всеми, кому не лень (русские крестьяне были в гораздо лучшем положении, т.к. над ними имели право издеваться только их собственные помещики).

К примеру, польский пан мог запросто сжечь дом казака-украинца, а когда тот шел в суд его просто отфутболивали без объяснения причин.

– Как же так? – кричал в суде казак. – Пан Ивашкевич по пьяни сжег мне дом. Все доказательство на лицо, да он и сам этого не отрицает!

– Плюю я на тебя! – смеялся ему в лицо судья. – Плюю же я по той причине, что он – Ивашкевич, а ты просто Иван. Чувствуешь разницу?

Дошло до того, что казаки должны были платить польским жидам, чтоб помолиться в православной церкви (польские жида арендовали их у государства и со свойственной им наглостью установили плату за проход в храм).

Алексей Михайлович поддержал казацкое сепаратистское движение и послал свои войска в левобережную Украину. Поляки жутко возмутились. «Вечный мир» между Россией и Польшей, заключенный в 1634 году, был тут же забыт и началась русско-польская война (1654 -1667).

На этот раз война была успешной для России. По перемирию 1667 года Россия вернула себе Смоленск, Новгород-Северский и другие ранее отторгнутые от нее земли, да еще присоединила Малороссию (земли с левой стороны Днепра и Киев).

В 1686 году уже после смерти Алексея Михайловича эти условия подтвердил еще один «Вечный мир» между Польшей и Россией (судьба предыдущего «вечного мира» ничему стороны не научила).

Успехи во внешней политике вызвали рост популярности царя, и он мог себе позволить спокойно угнетать народ дальше (теперь еще и запорожских казаков).

Правда, народ еще помнил волю и время от времени бунтовал, однако, как это не удивительно, восстания эти были не против царя, а наоборот за него.

– Если царь освободил наших братьев запорожских казаков от ига польских панов, значит, он хороший! – рассуждал народ. – Просто не мог плохой человек этого сделать. Это противоречит здравому смыслу! Выходит, царь просто не знает, что нас помещики в рабы себе записали! Если б он об этом узнал, то сразу нас освободил!

Самое мощное восстание в поддержку царя вспыхнуло на нижней Волге под предводительством донского казака Степана Разина (1670—1671).

– Бояре и чиновники нашего доброго царя совсем запутали! Скрывают от него правду, как мы живем! – кричал Разин на несанкционированных митингах. – Надо идти на Москву, чтоб ему все объяснить! И будет тогда нам воля и счастье!

Кроме донских казаков к Разину присоединились тысячи крепостных крестьян. По пути в Москву его войско захватило Астрахань, Самару, Саратов, Царицын. Однако высланная царем шестидесятитысячная армия в жаркой сече разгромила разинские войска под Симбирском (октябрь 1670 года).

В апреле 1671 года Разин был выдан царю самими донскими казаками (Алексей Михайлович очень тихо попросил их об этом, предложив на выбор: или отдать ему Разина, или он казаков (по недавнему примеру крестьян) передаст в рабство помещикам).

О нахождении Степана Разина в темнице оставил воспоминания один испанец, который был приглашен в Россию как консультант по пыткам (свое имя по вполне понятным причинам он сохранил в тайне). Как пишет пыточный консультант: «Царь, Алексей Михайлович, лично в течение долгого времени лил разбойнику на голову по капельке ледяную воду, после чего приступил к порке, явно зная в этом толк и не нуждаясь в моей консультации. Что удивительно, разбойник не вопил от боли и не умолял о пощаде, как обычно в таких случаях бывает, зато громко стыдил царя поносными словами (в России их называют мат). Если очистить его речь от поносных слов Разин сказал: «Что ж ты... творишь? Я тебя... шел от бояр освободить! Бился за тебя...! А ты... совсем оказался...». Царь же отвечал очень тихо, так что я (стоя в некотором отдалении) ничего не смог разобрать. После долгих пыток (как мне тогда казалось, прошли годы, хотя, как я узнал потом, миновало лишь четыре дня) разбойник был четвергован на Красной площади. Что касается меня, то хотя я и был приглашен в качестве консультанта по пыткам (за что получил очень щедрое вознаграждение) в данном случае я напротив был учеником и почерпал у Алексея Михайловича много полезного в своем искусстве, что в дальнейшем очень пригодилось мне в жизни».

Что касается личной жизни Алексея Михайловича, то поначалу он в чем-то повторил судьбу отца. Только в роли инокини Марфы, которая подложила свинью его папе, выступил уже известный нам боярин Морозов.

Дело было так. В 1647 году Алексей Михайлович встретился и тут же без памяти влюбился в Ефимью Всеволжскую. Он уже подарил ей обручальное кольцо и с нетерпением ждал свадьбы, однако у боярина Морозова были на этот счет другие планы.

Боясь после женитьбы царя потерять свое влияние, но не решаясь открыто выступить против брака, Морозов подвел под невесту хитрую интригу. Однажды, когда счастливая Всеволжская на глазах жениха одевала подаренное им платье, подкупленная Морозовым служанка, помогающая ей, незаметно сзади очень сильно дернула ее за волосы и укусила в плечо. От неожиданности невеста упала в обморок. Морозов, который присутствовал тут же, стал

голосить, что у нее началась эпилепсия. Вызвали врача (впоследствии оказалось, что он тоже был подкуплен Морозовым), который уверенно подтвердил диагноз. Алексей Михайлович, больше всего на свете любивший тишину, не на шутку испугался и сослал свою любовь с глаз подальше в Тюмень.

Впрочем, в отличие от своего отца переживал он недолго. Не прошло и года, как он посватался к Марии Милославской (1648 год). На этот раз браку ничто не могло помешать, т.к. главным его лоббистом был сам Морозов, который в свою очередь женился на родной сестре Марии и таким образом породнился с царем.

В браке с Милославской у царя родилось аж тринадцать детей, но большинство из них оказались почему-то очень нездоровыми, при чем, как физически, так и умственно (о чем речь впереди впереди).

Мария Милославская умерла в 1669 году, но Алексей Михайлович недолго горевал и почти сразу женился на Елене Глинской (от этой жены родился знаменитый Петр первый).

Однажды (1676) еще молодой сорокашестилетний Алексей Михайлович, повесив очередных бунтовщиков (ими оказались монахи Соловецкого монастыря), почувствовал резкую боль в левой стороне груди.

– Монахи повешенные перед глазами болтаются! – преодолевая боль, улыбнулся боярам царь. – Говорил же я вам: не надо было их прилюдно вешать, удавили бы в подвале по-тихому!

На этих словах он скончался и в тот же день попал в рай (так по крайней мере об этом объявили в церквях).

Глава 4. Федор (1676—1682). Инвалид на троне

Федор относится к когорте мало известных русских царей. И тем не менее, по- скромному мнению автора, именно он является в чем-то лучшим нашим правителем из славного рода Романовых. И вовсе не из-за победы в кровопролитных войнах, террора по отношению к поданным и других приносящих славу, но не бесспорных вещей.

Федор пошел иным путем. Он не побеждал в войнах и особо никого не казнил, и тем не менее совершил поступок мужественный, можно сказать геройский, принесший огромную пользу отечеству.

Но обо всем по порядку. Вступив на трон пятнадцатилетним пылким юношей, он уже тогда был серьезно болен из-за плохой наследственности (историки винят его маму – Марию Милославскую, т.к., по их мнению, папа (царь Алексей), будучи лицом официальным (царем) просто не имел морального права оказаться бациллоносителем.

Несмотря на крайнюю слабость и болезненность (он в основном лежал, мечтая что-нибудь сделать для России), Федор как-то решил покататься на лошади, однако не удержался в седле и упал под проезжающую мимо телегу.

Бедняга получил такую травму, что на многие вещи посмотрел совсем по-другому, как бы с другого ракурса (не с телеги, как обычно смотрели и смотрят на народ цари, а наоборот из-под телеги, откуда обычно смотрит народ).

В результате все темное для Федора стало явным, а все, что казалось до этого незыблемым оказалось глупым и совсем ненужным.

Самым главным результатом его падения стала отмена местничества.

Закон местничества (один из самых дебильных, придуманных человечеством), являлся высшей формой протекционизма родителей над своим глупыми, ни на что неспособными детьми. По этому закону сын большого начальника не мог (даже после смерти своего родителя) подчиняться отпрыскам тех, кого был выше по должности его отец. Это же правила распространялось на дедов, прадедов и прочих близких родственников.

Иными словами, посты в государстве занимались не по уму, храбрости или умению вести дела, а вследствие рождения. Закон этот существовал не одно столетие,

и казался тогдашним людям чем-то святым и незыблемым.

Нельзя сказать, что цари спокойно смотрели на то, как должности в государстве занимают дебилы только по праву рождения. Однако даже такой серьезный товарищ, как Иван Грозный, ничего не мог с этим поделать. Он кричал, периодически устраивал истерики, в припадке ярости даже казнил кое-кого из нерадивых аристократов-дебилов, однако сам принцип местничества оставался незыблемым. Аристократические кланы крепко держались за свои привилегии, в чем автор их прекрасно понимает. Ведь единственной целью существования этих людей, а также оправдания творимого ими зла, насилия и несправедливостей над народом, была передача по наследству не только богатств, но и положения своим обожаемым (хотя и глупым) чадам.

И вот больной царь-инвалид Федор, несмотря на все свои болезни (а возможно благодаря им, ибо жить ему уже оставалось недолго) решился отменить этот тормозящий развитие страны закон (1682).

В России, наконец, включились социальные лифты для талантливых и смелых руководителей (их множество появилось уже при Петре первом).

Возможно проживи Федор чуть больше он бы отменил крепостное право, однако он умер сразу после своего подвига (всего двадцати лет отроду) и был несправедливо забыт, как очень часто случается в истории с великими, но со скромными героями.

Глава 5. Иван пятый, Петр первый и их регент Софья (1682—1689)

После смерти Федора на престол по всем законам и обычаям должен был взойти средний (и самый любимый) сын Алексея Михайловича – пятнадцатилетний Иван.

Однако семейство Нарышкиных, которые были родственниками второй жены Алексея Михайловича, наплевав на все законы, нагло попытались протащить на трон вне очереди младшего брата Ивана, десятилетнего Петра (в будущем знаменитый Петр первый).

От такой наглости возмутился как народ, так и армия.

Нарышкиных призвали к порядку, однако, чтобы они не сильно воняли (людьми они были чрезвычайно склочными), царями объявили сразу обоих сыновей Алексея Михайловича: Ивана (старший царь) и Петра (соответственно младший).

Так в России в первый и последний раз в истории стало сразу два царя.

Из-за их несовершеннолетия регентом государства объявили их двадцатипятилетнюю сестру Софью, которая реально и правила страной с 1682 до 1689 годы.

Фактически она стала первой женщиной – правительницей России, если не считать полу-легендарную Ольгу из Киевской Руси.

Конечно, такая ответственность не могла не волновать Софью, она очень нервничала и переживала, что первый блин выйдет комом, из-за чего допускала много ошибок и вообще действовала неуверенно.

Уже при подавлении заговора наглецов Нарышкиных вместо того, чтобы сразу казнить знамя заговорщиков (Петра первого), как поступил бы каждый уважающий себя мужчина, Софья даже не посадила его в тюрьму.

Дальше, больше! Она так и не удосужилась подослать к Петру первому убийц, как опять же сделали все мужчины на ее месте.

Плоды такой ее нерешительности не заставили себя ждать, но об этом чуть позже.

Справедливости ради надо сказать, что Софья не раз пыталась преодолеть в себе женскую робость способом, который придумал ее сердечный друг князь Василий Голицын.

– Какая-то ты стала дерганая, Софочка! – заметил однажды Голицын, с тревогой поглядывая на свою любимую. – Что с тобой?

– А то ты не знаешь, Васенька! – вздохнула Софья, отрываясь от рукоделья. – Целое государство на мне. Сколько проблем! Целый день, как белка в колесе. Даже ночью, когда все люди спят, я, как ты знаешь, уснуть не могу! И страшно, и колотит всю! Еще Петрушка, чертенок несносный, меня доводит. То кнопку под задницу подложит, то у меня на спине нехорошее слово напишет!

– Эх, Софулечка-красотулечка! – поцеловал ее в бледную щечку Голицын. – Я долго думал, как тебе помочь и вот сегодня придумал. Все твои нервы идут от неуверенности в себе. Так? А теперь послушай меня внимательно. Ничто так не укрепляет дух человека и не придает ему уверенности, как война! Стало быть, для того, чтобы привести в порядок твои нервы, нам надо срочно с кем-нибудь повоевать! И всего делов!

– Я даже не знаю! – еще больше разволновалась Софья. – Я уже так отчаялась, что готова хвататься за любую соломинку. Если война поможет мне укрепить дух и перестать нервничать, тогда, пожалуй. Только я очень боюсь стрельбы!

– Не бойся! – взял ее за руку Голицын. – Я не заставляю тебя скакать с саблей на лошади или брать под пулями редуты. Сиди себе в Кремле, укрепляй свой дух и получай удовольствие. А вот я с детства мечтал о славе великого воина и давно хотел проверить на деле свой, как мне кажется, выдающийся талант полководца.

– Только, умоляю, будь осторожен, мой рыцарь и храбрец! – поцеловала его Софья.

На том и порешили. Однако даже войны, которые вела Софья, оказались какими-то бабскими.

В 1687 году стотысячное русское войско под командованием князя Голицына отправилось в Крым воевать с живущими там турками и татарами (они сильно борзели и чуть ли не ежегодно совершали набеги на Россию, грабили русские окраины и похищали людей для продажи на невольничьих рынках). Однако, не дойдя немного до Крыма (на территории нынешней Запорожской области Украины) Голицын приказал войску развернуться и с большой скоростью вернулся назад (сам он объяснил это бегство слишком жаркой погодой, из-за которой ему якобы невозможно стало воевать). В то же самое время турки, тоже очень испугавшись, дали деру в обратном направлении. Когда противники убежали друг от друга на безопасное расстояние и поняли, что никто их не преследует, они, придя в себя от страха, тут же объявили каждый о своей победе.

– Враг бежал от нас, Софочка! – радостно сообщил Голицын, обнимая любимую. – Это полная, безоговорочная победа!

– Прекрасный поход и замечательный успех! – одобрила Софья действия своего полководца. – Мы победили, и они победили! Всем хорошо и никому не обидно!

– Ты прекрасно поняла мою тактику! – ластился к ней Голицын. – Я действительно бежал не из-за трусости, как клеветают на меня враги, а чтоб заманить их на нашу территорию. А если б они меня догнали, то я бы легко с ними справился!

– Ты у меня оказывается не только отважный рыцарь и храбрец, а еще и великий полководческий гений! Пойдем, Васенька, в спальню, и я награжу тебя за ратную доблесть!

Однако у турок и татар был прямо противоположный взгляд на полководческий талант Голицына. После его «победы» они совершенно обнаглели и многократно увеличили набеги на Россию.

Тогда Софья, снова развнерничавшись, объявила второй поход на Крым (1689 год), который оказался почти копией первого. На этот раз в нем приняло участие уже сто пятьдесят тысяч солдат (почти вся армия России), однако, когда Голицын увидел в подзорную трубу Крым, у него опять задрожали коленки и он велел срочно отступать. Русские войска снова не встретились с неприятелем, который с наименьшей поспешностью бежал в другом направлении.

– Без ложной скромности скажу, любимая Софочка, что я – самый выдающийся полководец всех времен и народов! – гордо объявил Голицын, вернувшись в Москву. – В самом деле, кто из людей, называющих себя военными начальниками, смог бы совершить опаснейший длительный военный поход, при этом не потерпеть ни одного поражения и полностью сохранить всю армию до последнего солдата!

– Ты и в самом деле лучший воин, каких только можно себе представить! – обняла его Софья. – Мне особенно нравится, что даже объявляя войну, мы никого не убиваем! Ведь убийство – это страшный грех, а я просто лечу свои больные нервы!

– Теперь я имею полное право написать на своем фамильном гербе: храбрость, храбрость и еще раз храбрость! – лихо ударил себя в грудь Голицын. – А свои воспоминания я назову: «Великие походы князя Голицына или в чем ошибались Цезарь и Македонский. Стратегия и тактика победоносной войны».

Пока Голицын занимался походами, а Софья лечила расстроенные нервы, выросли малолетние цари, Иван и Петр.

Так старшему царю, Ивану, во – время регентства Софьи последовательно исполнилось шестнадцать, восемнадцать и даже двадцать один год, т.е. по всем законам любой страны, он достиг совершеннолетия, однако, увы, совершеннолетним его так никто и не признал.

Покров над этой тайной приоткрывает переписка французского посла, в которой он в частности пишет: «Я в течение многих месяцев не мог добиться аудиенции с царем Иваном

пятым. Иногда мне назначали время, но когда я являлся в Кремль точно к назначенному часу, мне приходилось часами ожидать выхода царя, но он так и не появлялся. Наконец, мне повезло, и я все-таки имел счастье лицезреть монарха. Это был очень болезненный молодой человек, который едва шел, сильно шатаясь, возможно, от опьянения. Я сразу после приветствия поспешил изложить краткий обзор геополитической ситуации в мире и предложил ряд мер по экономическому и политическому сотрудничеству наших стран. Неожиданно царь плюнул мне в глаз. Я застыл в крайнем изумлении, а Иван плюнул мне еще в нос и, смеясь, поплелся вдогонку за мухой. Когда царь удалился, присутствующий тут же патриарх Иоаким заметил, что это обычное дело с царем, и мне еще крупно повезло, что он не покусал меня».

Обычный день Ивана проходил так: утренняя молитва, потребление горячительных напитков, наблюдение за мухами до позднего вечера, снова молитва и опять потребление горячительных напитков перед отходом ко сну.

Однако по ночам этот созерцатель мух вел себя куда активнее. Его жена родила аж пятирех девчонок, из которых одна, Анна, стала впоследствии императрицей, причем, не в пример отца, довольно жесткой и хитрой (об этом речь впереди).

Младший царь, Петр первый, оправившись от первого испуга, вызванного подавлением заговора Нарышкиных, с каждым днем становился все наглее, развязней и хамливее по отношению к старшей сестре.

В шестнадцать лет он уже ни во что не ставил регентшу, постоянно дерзил и оскорблял ее. Все закончилось тем, что он решил выгнать Софью из Кремля и заточить в монастырь (1689 год). О том, как это происходило, поговорим в следующей главе, посвященной Петру первому. Здесь лишь заметим, что, князь Голицын, несмотря на всю свою отчаянную храбрость и полководческий гений, палец о палец не ударил, чтобы ее спасти. Когда посланные ею люди передали ему просьбу о помощи, Голицын только удивленно пожал плечами:

– Вы меня, наверное, с кем-то путаете! Я с Софьей Алексеевной едва знаком и сам поражаюсь, что нас называют любовниками. Впрочем, вы это ей не говорите, а передайте лучше, что не застали меня дома. Скажите, я уехал в поместье собирать огурцы!

Что касается, старшего царя Ивана, то конфликт между Софьей и Петром, не вызвал у него никакого интереса. Кроме мух и алкоголя, он мало, чем интересовался и поэтому находился в прекрасных отношениях со всеми.

– Батюшка, царь! Погляди, что под твоим боком творится! – наседали на него придворные.

– И че я там не видел? – недовольно отвлекался Иван от разглядывания летающей мухи.

– Петрушка без твоего на то царского веления Софью сверг и всеми нами командует. Очнись, так недолго и царство потерять.

– И че такого? – широко улыбался Иван. – Я люблю смотреть на мух, слушать их приятное жужжание, смотреть как они летают и очень забавно передвигаются на маленьких мохнатых лапках! А вы мне про какое-то царствование. Смешно, господа!

В 1696 году русские люди очень удивились, когда им объявили о смерти «старшего царя» Ивана, которого они давно считали пропавшим без вести. С этого года начинается единоличное правление Петра первого, о котором поговорим в следующей главе.

Глава 6. Петр первый (1682— 1725). Бомбы, пьянство и наука

В 1672 году в семье известного нам Алексея Михайловича и Натальи Нарышкиной родился Петр первый.

– Зачем он мне нужен? – поморщился Алексей Михайлович, узнав о рождении очередного ребенка. – Сын Федор будет править после меня. Ну а коли с ним, не приведи господь, какая хворь приключится, на подхвате всегда второй сынок, Ванюша. А куда девать этого Петра ума не приложу. Служить он не может, т.к. не царское это дело. Править и без него есть кому. Впрочем, авось он скоро загнется, как ранее скопытились мои сыны: Дмитрий, Алексей и Симеон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.